

ненія они ни къ чему не служатъ. Необходимо еще чѣмъ-нибудь заполнить эту возможность, какимъ нибудь реальнымъ содержаніемъ. Будь молодость, здоровье, свобода положительными благами, то-есть имѣй они положительную цѣну, говоритъ Гартманъ, они бы сами по себѣ удовлетворяли, и въ такомъ случаѣ одинъ голый фактъ существованія, одинъ процессъ жизни доставлялъ бы намъ полное удовлетвореніе, вполне заполнялъ бы насъ. Но на самомъ дѣлѣ ни здоровье, ни молодость, ни богатство, не доставляютъ никакого чувства удовольствія. Оно замѣчается только тогда, когда, напр. здоровье является вслѣдъ за болѣзью, богатство вслѣдъ за лишеніями, или же, когда молодой человѣкъ представить себѣ старость или свободный подумаетъ о возможности лишиться свободы. Другими словами, всѣ эти блага дѣйствительно доставляютъ удовольствіе только тогда, когда человѣкъ сознаетъ контрастъ между ихъ присутствіемъ и отсутствіемъ. Поэтому-то, когда общественный прогрессъ уничтожаетъ шансы бѣдности, болѣзней, общественныхъ насилій, тогда сила этого контраста слабѣетъ и чувство удовольствія, получаемое отъ здоровья, богатства, свободы, приводится къ нулю.

А такъ какъ, по убѣжденію Гартмана (также и Шопенгауера), это есть все-таки высшее, что доступно человѣку въ жизни, то чего же, спрашиваетъ онъ, стоитъ жизнь въ цѣломъ? неужели послѣ этого она можетъ представлять что-нибудь привлекательнаго? И къ этому-то безотрадному заключенію должны прийти всѣ, когда будутъ устранены источники зла.

Какъ видимъ, все здѣсь построено на томъ, что къ нулю приравняется всякое благо, если оно, такъ сказать, не подчеркнуто сознаніемъ: молодость, здоровье, свобода, обеспеченное матеріальное положеніе—все это есть нуль, потому что не даетъ никакого сознательнаго удовольствія, потому что оно только предоставляетъ въ распоряженіе человѣка рядъ силъ, въ томъ числѣ способность наслаждаться, но ничего больше.

Такъ почему же, спрашивается, этотъ нуль не можетъ быть ничѣмъ увеличенъ? почему нельзя прибавить къ нему ничего положительнаго? А именно, почему способность наслаждаться не можетъ найти себѣ положительнаго примѣненія? Другими словами, почему внутреннее, несознаваемое благо не можетъ найти себѣ хода къ сознанію?

Собственно говоря, какъ мы видѣли, Гартманъ допускаетъ возможность положительныхъ удовольствій, стало быть, возможность поднятія выше нуля, и идетъ въ этомъ отношеніи гораздо дальше Шопенгауера, вводя въ кругъ привилегированныхъ удовольствій не только художественныя и философско-научныя, но